

Т. Г. Румянцева

**М. МЕНДЕЛЬСОН
В ЭПИСТОЛЯРНОМ
НАСЛЕДИИ И. КАНТА**

Показана важность осмысления эпистолярного наследия И. Канта при реконструкции процесса становления немецкой классической философии. Выявлено место М. Мендельсона в этом наследии, письма Канта к которому стали своего рода вехами, отмечающими поворотные этапы творчества великого кёнигсбергского философа.

The author shows the importance of the analysis of Kant's epistolary heritage in the reconstruction of the evolution process of German Classic philosophy. This article defines the role of Moses Mendelsohn, Kant's letters to whom became a turning point in the works of the great German philosopher, in the context of this heritage.

Ключевые слова: *эпистолярное наследие, М. Мендельсон, догматическая метафизика, теоретическое познание, критический метод, «Критика чистого разума», этапы становления трансцендентально-критической философии.*

Key words: *epistolary heritage, Moses Mendelsohn, dogmatic metaphysics, theoretical cognition, critical method, "The Critique of Pure Reason", stages of development of transcendental and critical philosophy.*

Многолетняя историко-философская традиция по реконструкции и анализу процесса становления основных идей немецкой классической философии предполагает в том числе и осмысление эпистолярного наследия ее виднейшего представителя и основателя — И. Канта. Исследователи не раз убеждались в том, что именно в своих письмах философ раскрывает не только побудительные мотивы формирования ряда его идей, но и фактически намечает общие контуры построения отдельных сторон своего учения, используя продуктивный диалог с тем или иным своим респондентом, чтобы проверить на прочность свои «коперниканские» открытия. К числу мыслителей, в письмах к которым философ обнародовал свои замыслы относительно содержания его этапных работ, в конструктивной полемике с которыми он пытался уточнить ряд основоположе-

ний своей трансцендентальной философии, касающихся главным образом критики догматической метафизики, был и Моисей Мендельсон — немецко-еврейский философ XVIII в., последователь Г. Лейбница и Х. Вольфа.

Характеризуя кантовское эпистолярное наследие, отметим, что наиболее значительная роль в деле его восстановления принадлежит В. Дильтею, который еще в 1889 г. стал инициатором создания литературных архивов под опекой немецкого государства. В 1893 г. он начал подготовку по изданию собрания сочинений Канта, превратив это мероприятие в важнейшую национальную задачу. Благодаря его многочисленным запросам в архивы, библиотеки, редакции газет и журналов о возможном местопребывании писем и рукописей философа он получил столько ответов, что в течение двух месяцев занимался только тем, что рассылал благодарственные письма. В результате уже в 1902 г. вышел первый том академического собрания сочинений Канта с программным предисловием Дильтея. В нем он призвал понять автора лучше, чем тот сам понимал себя; приблизиться к разрешению этой задачи в «постоянно обновляющемся сопряжении исторической ситуации», в которой осуществлялась мысль Канта.

Огромную роль для такого понимания автора, несомненно, играет его эпистолярное наследие, которое в случае с Кантом мы и имеем во многом благодаря усилиям Дильтея. При изучении творческого наследия мыслителя не может быть главного и второстепенного, ибо философское произведение великого автора продолжается в его письмах и дневниках, и все это должно учитываться для понимания тех условий, которые влияли на оформление его главного текста.

В изданном в Марбурге (где находится штаб-квартира кантовского наследия) академическом собрании сочинений Канта собственно письма занимают 4 тома (10—13-й). Это, конечно, не сравнить с чуть более 100 страничками его писем, изданных в свое время на русском языке. И хотя вышедший в СССР в 1980 г. сборник под названием «Трактаты и письма» задумывался как дополнение к кантовскому собранию сочинений, в нем так и остались не опубликованными многие из писем философа к главным его адресатам — Герцу, Ламберту и Мендельсону. Отрадно отметить, что по инициативе кафедры философии и логики в Российском государственном университете им. И. Канта сегодня ведется большая работа по переводу писем и ряда других материалов, так или иначе связанных с жизнью и творчеством великого немецкого философа. Некоторые из этих материалов были использованы при подготовке данной статьи.

Известно, что во времена Канта почти не было научной прессы, и многие философы и ученые использовали формат письма, в том числе и для обмена своими научными идеями. Эпистолярный жанр становится излюбленной формой литературного творчества еще со времен Спинозы, Юма и Лейбница.

Эпистолярное наследие Канта почти не отличается от писем упомянутых выше философов — его предшественников. Правда, в чисто количественном плане оно не так велико, как, скажем, у Лейбница, и в то же время значительно обширнее, чем у Юма — того самого, «пробудившего его от догматического сна», у которого письменное наследие занимает всего один том. По содержанию писем Канта видно, что их автор вряд ли предназначал их для широкой печати. Известный советский исследователь его творчества А. Гулыга писал, что это были «лапидарные, в меру обстоятельные,

сухие письма», которые представляли собой «зеркало не столько научных, сколько деловых его интересов» [1, с. 75]. И все же нельзя не отметить, что переписка Канта в определенной мере насыщена философскими темами и сюжетами. Мыслитель довольно часто ссыался в своих письмах на трудности и упущения, которые он испытывал при изложении главных идей своего учения. Так, известно, что именно в письмах он впервые обнаружил свой замысел относительно написания «Критики чистого разума» и дал фактически полный план ее изложения. Здесь же, в письмах, он впервые поставил один из главных вопросов всей своей философии — что убеждает познание в его объективной значимости по отношению к предмету — и высказал свои новаторские мысли о метафизике как трансцендентальной философии с совершенно новым пониманием ее целей и задач.

Серьезная переписка Канта начинается примерно с середины 1760-х гг., когда возрастает его известность. Среди его наиболее частых респондентов следует назвать Ламберта, которому он даже хотел посвятить свою «Критику чистого разума»; Герца — ему Кант чрезвычайно доверял и делился с ним многими, не только научными, проблемами; Мендельсона, который, кстати говоря, сам вместе с Ламбертом и предложил Канту начать научную переписку. В числе адресатов Канта много известных людей его времени, в том числе и русская императрица Елизавета Петровна, к которой он обращался с коротким, как сейчас бы сказали, предельно «конкретным» письмом от 14 декабря 1758 г., прося у нее «соблаговолить милостливо определить его на вакантный пост ординарного профессора». При этом в духе того времени он называл ее «всесветлейшей, великодержавнейшей, всемиловитвейшей императрицей и великой женой» [2, с. 505].

Переписка с Мендельсоном завязалась после того, как Кант послал ему свою работу «Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики» (1766). В своем письме от 7 февраля 1766 г. он, в частности, писал: «С дорожной почтой я выслал Вам свои «Грезы» и покорнейше прошу, соблаговолив оставить один экземпляр для себя, распорядиться передать остальные... Речь идет о в некоторой мере вынужденном сочинении, содержащем скорее краткий набросок того, как надлежит судить о подобного рода предметах, нежели само изложение оных. Ваше мнение в данном, а равно как и в других случаях для меня весьма ценно» [3, с. 87–88]. Мендельсон любезно прочитал и высказал философу ряд своих замечаний. В ответ Кант пишет ставшее знаменитым в научном мире письмо от 8 апреля 1766 г., без которого сегодня просто невозможно представить изложение одной из главных тем как кантоведения, так и немецкой классической философии в целом — «Проблемы метафизики в «докритический» период творчества Канта и начало формирования его критической методологии». Но дело не только в этом. Именно в данном письме великий кёнигсбергский моралист приводит слова, которые станут жизненным кредо для тех, кто действительно решил посвятить себя служению науке: «Непостоянство и погоня за внешним блеском никогда не станут моим уделом после того, как в течение большей части своей жизни я научился почти обходиться без того, что обычно портит характер, и презирать это <...> я с самой твердой убежденностью и к великому удовлетворению моему думаю многое такое, о чем я никогда не осмелюсь сказать, но я никогда не буду говорить то, чего я не думаю» [4, с. 514]. Давно хрестоматийной стала еще одна фраза из этого письма, касающаяся сути и значения метафизики: «...Я вовсе не скрываю,

что смотрю с отвращением, более того, с какой-то ненавистью на напыщенную претенциозность целых томов, наполненных такими воззрениями, которые в ходу в настоящее время... что избранный в них путь является совершенно превратным, что модные методы [метафизики] должны до бесконечности умножать заблуждения и ошибки... что это (метафизика. — Т.Р.) мнимая наука с ее столь отвратительной плодovitостью» [4, с. 515]. Высоко оценивая Мендельсона как философа, разрабатывавшего проблемы метафизики, Кант называет его гением, которому полагается создать новую эпоху в этой науке, от которой во многом зависит «истинное и прочное благо человеческого рода». Именно Мендельсон должен, по Канту, дать ей новое направление и начертать мастерской рукой план для этой все еще наугад разрабатываемой дисциплины, снять с нее «догматическое одеяние и подвергнуть необоснованные воззрения скептическому рассмотрению». Интересно, что на суд Мендельсона Кант отдает и ряд своих догадок и начинаний относительно нового метода метафизики, полагая, что тот укажет ему на ошибки. Чрезвычайно важна и высказанная в данном письме мысль Канта о границах человеческого разума и его первые попытки наметить круг вопросов, решение которых оказывается ему (разуму. — Т.Р.) не под силу. Не случайно, это письмо принято считать заключительным аккордом всего «докритического» Канта, обосновывающего здесь идею необходимости нового определения метода метафизики, который превратил бы ее в действительную науку.

Вслед за «Грезами духовидца» Кант послал Мендельсону свою диссертацию 1770 г. — «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира». В своем благодарственном ответном письме к Канту от 25 декабря 1770 г. Мендельсон писал: «С величайшим нетерпением взял я в руки Вашу диссертацию и прочел ее с чрезвычайным удовольствием, несмотря на то что я уже с давних пор по причине ослабленной нервной системы едва ли в состоянии с надлежащим вниманием осмыслить что-либо спекулятивное подобного достоинства. Чувствуется, что это небольшое сочинение — плод весьма долгих размышлений и что его следует рассматривать как часть некоей системы, что столь свойственно ее автору и о чем он пожелал пока поведать лишь в форме опытов. Кажущаяся темнота, оставшаяся еще кое-где, говорит опытному читателю о необходимости учитывать целое, которое еще пока, правда, не представлено» [3, с. 91]. Он также сделал несколько замечаний, касающихся полученной диссертации, полагая, что они «относятся скорее к частностям и не затрагивают основные идеи» философа. Речь шла о его несогласии с кантовской идеей о том, что время есть нечто субъективное; для Мендельсона, придерживавшегося лейбницевской трактовки времени, последнее мыслилось и как нечто объективное (последовательность изменений) и как нечто субъективное (длительность). Тем не менее Мендельсон посоветовал Канту скорее поделиться с публикой своими размышлениями для блага метафизики, которая находилась тогда в упадке. Кант ответил не сразу; он написал большое письмо к Герцу от 7 июня 1771 г., в котором просил извиниться перед Мендельсоном за свое молчание. Здесь же он высказал глубочайшее почтение Мендельсону как философу, назвав его крупнейшим аналитиком, а его возражения против ряда идей кантовской диссертации — разумными и способствующими достижению большей ясности и отчетливости его теории. В следующем письме к Герцу (конец 1773 г.) Кант вновь с глубочайшим почте-

нием вспомнит о Мендельсоне и поставит его имя рядом с почитаемыми им Гарве и Тетенсом, которые, по его мнению, только и могли бы разрешить труднейшие метафизические задачи нашего времени.

Интересно, что письма Канта к Мендельсону стали своего рода вехами, отмечающими поворотные этапы его творчества, более того, благодаря им открываются порой дополнительные возможности уяснить многие тайны сложнейшей лаборатории кантовской мысли.

Следующий этап переписки открывается после того, как Кант послал Мендельсону дарственный экземпляр своей «Критики чистого разума». В ответном письме от 10 апреля 1783 г., жалуясь на свое здоровье, Мендельсон все же выражает надежду, что он познакомится с кантовским произведением. «Прошло уже несколько лет с тех пор, как я словно умер для метафизики», — пишет он. — Мои слабые нервы не позволяют мне напряженно работать, так что пока я развлекаю себя менее утомительными занятиями и в следующий раз буду иметь удовольствие выслать Вам некоторые их результаты. Ваша «Критика чистого разума» также является для меня критерием здоровья. Всякий раз, когда я льщу себя надеждой, что силы мои прибавились, я могу отважиться на чтение этого сочинения, которое истощает все мои соки. Но меня не оставляет надежда на то, что мне удастся осмыслить его до конца еще в этой жизни» [3, с. 94].

Отвечая Мендельсону на это послание, Кант напишет еще одно ставшее знаменитым письмо к Мендельсону от 16 августа 1783 г. В нем в связи с благосклонными отзывами Мендельсона о его поездке на воды и теми «приятными картинками», которые эта поездка вызвала у Канта, он выскажет «высший принцип своей диететики» (как известно, Канта почитают во всем мире и как автора уникальной гигиенической программы, которую он успешно применял на протяжении всей своей жизни). Согласно этому принципу «у каждого человека существует собственный способ быть здоровым, который он не может изменять, не подвергая себя риску». И далее он пишет, что «всего долее живут в том случае, если менее всего заботятся о продлении жизни, но соблюдают, однако, осторожность, дабы не сократить ее каким-либо вмешательством в нашу благотворную природу» [5, с. 550]. Здесь же Кант свидетельствует о прочтении им книги Мендельсона «Иерусалим, или О религиозной власти и иудействе», полагая, что той нервной слабости, о которой мыслитель писал Канту, в этом произведении он не заметил и ни малейшего следа. Есть в этом письме, разумеется, и более серьезные, чисто философские сюжеты, и в первую очередь это касается огорчений Канта по поводу того, что Мендельсона все же мало занимает кантовская критика метафизики, что она не в состоянии привлечь его проницательного внимания. Кант объясняет Мендельсону, и это очень важно для понимания особенностей стиля «Критики чистого разума», почему книга оказалась столь сложна для понимания. Философ ссылается на то, что он уже очень стар для того, чтобы одновременно добиться законченности целого и отшлифовать каждую его часть, придавая ей завершенность и легкую живость. Как и в предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума», но это будет четырьмя годами позже, он укажет, что намеренно отказался от растянутых подробностей, препятствующих отчетливости изложения и прерывающих его связность. И тем не менее Кант не отказывается доработать книгу, что и будет впоследствии сделано во втором издании. Странно, но многие споры вокруг этого вопроса могли бы при-

нять совсем иной оборот, если бы изучение главного философского произведения Канта сопровождалось внимательным знакомством с его письмами к Мендельсону, мнение которого было для философа чрезвычайно авторитетным. Об этом, в частности, свидетельствует еще одна фраза из этого же письма, когда Кант пишет, что «немногие обладают счастливым даром выражать свои мысли так, чтобы сделать их понятными другим. Это может только один Мендельсон» [5, с. 551]. Несмотря на усталость последнего, Канту очень бы хотелось, чтобы именно тот с его авторитетом поспособствовал проверке на прочность важнейших положений его «Критики», которые он даже перечисляет в тексте письма. Среди них – ставшие известными не только в философском сообществе идеи об аналитических и синтетических суждениях а priori; о том, что теоретическое познание простирается только на предметы возможного опыта, но не на вещи в себе и т.п. Кант полагает, что кроме Мендельсона, Гарве и Тетенса мало кто «обладает талантом и доброй волей заняться этим делом и внести здесь вклад в его исследования» [5, с. 552–553]. Данное письмо свидетельствует о том, что Кант хорошо знал работы Мендельсона, он с восхищением прочитал его «Иерусалим», называя эту книгу «проницательной, изящной и умной», рассматривая ее как «провозглашение великой, хотя и медленно наступающей, а порой и отдаляющейся реформы, которая затронет не только Вашу, но также и другие нации». И дальше он писал, что тот сумел «соединить свою религию с такой степенью свободы совести, каковой в ней никто не мог бы даже и предположить и каковой не может похвастаться никакая другая религия». Все это свидетельствует о том, что он следил не только за метафизическими изысканиями Мендельсона, но и хорошо был знаком и высоко ценил его вклад в решение теоретических и практических политических вопросов еврейского сообщества тогдашней Германии.

Имя Мендельсона постоянно встречается и в письмах философа к другим своим респондентам (уже упоминались письма к Гарве и Герцу). В письме к Х. Шютцу от конца ноября 1785 г., опубликовавшему рецензию на мендельсоновские «Утренние часы», Кант, хотя и не соглашается с автором книги по ряду теоретических вопросов метафизики, тем не менее называет работу превосходной, чрезвычайно полезной и значимой для критики человеческого разума [6, с. 557]. Ему импонируют многие прозрения Мендельсона относительно природы и свойств человеческого разума, которые он назовет здесь последним заветом догматической метафизики и памятником проницательному мыслителю, на примере идей которого критика разума может проверить правильность своих основоположений.

Итак, письма Канта (и не только те, что непосредственно адресованы Мендельсону), а также находящиеся в них отзывы об этом мыслителе еще раз подтверждают мысль о том, что Моисей Мендельсон действительно входит в число философов-просветителей, сделавших значительный вклад в развитие немецкой трансцендентально-критической философии.

Список литературы

1. Гулыга А. В. Кант. М., 1977.
2. Кант И. Императрице Елизавете Петровне от 14 декабря 1758 г. // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 505–506.
3. Переписка Иммануила Канта и Моисея Мендельсона // Кантовский сборник. 1(27). Калининград, 2008. С. 87–94.

4. *Кант И.* Мендельсону от 8 апреля 1756 г. // *Кант И.* Трактаты и письма. М., 1980. С. 514–518.
5. *Его же.* Мендельсону от 16 августа 1783 г. // Там же. С. 550–554.
6. *Его же.* Шютцу [конец ноября 1785 г.] // Там же. С. 556–558.

Об авторе

Румянцева Татьяна Герардовна – д-р филос. наук, проф. кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, TR30@mail.ru

About the Author

Prof. Tatyana Rumyantseva, Department of Philosophy of Culture, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, TR30@mail.ru

В. К. Кантор

Ф. А. СТЕПУН,
«МУСАГЕТ»,
Э. К. МЕТНЕР¹

Рассматривается деятельность российского публициста, главного редактора издательства «Мусагет» Э. К. Метнера, а также Ф. А. Степуна – редактора журнала «Логос», а также их роль в распространении влияния современной им немецкой мысли на российскую философию. Э. К. Метнер и издательство «Мусагет» сыграли роль проводника неокантианства в России.

This historical-philosophical essay is dedicated to the Russian publicist, chief editor of the "Musaget" publishing house Emil Metner and to Fyodor Stepun – the chief editor of the "Logos" magazine – and their contribution to the increasing influence of contemporary German thought on Russian philosophy. Emil Medtner and the "Musaget" publishing house championed Neo-Kantianism in Russia.

Ключевые слова: неокантианство, русская философия, немецкая философия, издательство «Мусагет», журнал «Логос».

Key words: Neo-Kantianism, Russian philosophy, German philosophy, "Musaget" publishing house, "Logos" magazine.

Явление, судьба и внутренние противоречия «Мусагета», связанные с именами Метнера, Белого и Степуна, с их русской и немецкой судьбой, – одна из самых сложных и трагических коллизий русской культуры. Были и другие действующие лица этой драмы, но исследователь вправе выбрать свой угол зрения. Ее главный «персонаж» – это Эмилий Карлович Метнер (20 декабря 1872, Москва – 11 июля 1936, Пильниц (Pillnitz) под Дрезденом) – российский публицист, издатель, литературный и музыкальный критик, старший брат композитора Николая Метнера, главный и несменяемый редактор издательства «Мусагет» с 1907 по 1914 г. В этом издательстве выходили книги А. Белого, Эллиса (Л. Л. Кобылинского), С. М. Соловьева и других авторов, а также журнал Ф. Степуна и С. Гессена «Логос».

¹ Индивидуальный исследовательский проект № 09-01-0041 «Подготовка к печати корпуса писем выдающегося русского философа-эмигранта Ф. А. Степуна», выполненный при поддержке программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ».